

Коряковцев Андрей Александрович,
канд. филос. наук, доцент, член Союза Российских писателей
и Московского клуба афористиков

Рукописи К. Маркса

Критика К. Маркса, еще недавно казавшаяся сокрушительной, на самом деле лишь по волоску выдергивала из его бороды. В результате К. Маркс только молодец. Чтобы понять, почему, внимательно прочтем его Рукописи.

Самые ранние из них — «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» — не случайно были названы так советскими публикаторами. Экономическое и философское содержание на их страницах переплетено и взаимно друг друга обуславливает. И так будет буквально во всех произведениях К. Маркса, включая «Капитал». Философия (а точнее, учение о человеке, философская антропология) даст ему ценностную и методологическую базу для экономических исследований, которые благодаря этому станут именно *критикой* экономического мира. В архитектуре классического марксизма философская антропология, учение о человеке, играет роль теоретического фундамента, на который опираются все остальные аспекты учения К. Маркса — и его критика политэкономии и его коммунистический проект. Да, собственно, его антропология и есть критика политэкономии так же, как она составляет содержание его коммунистического проекта. Теоретические основы освобождения человека от классовых и экономических пут были заложены им в произведениях 1844 г., философско-антропологическое содержание которых представляется основным. Без философской антропологии марксизм лишается своих теоретических основ и потому искажается.

К «Экономическо-философским рукописям 1844 г.» содержательно примыкает более ранний (написанный в первой половине того же года, тогда как Рукописи написаны летом) «Конспект книги Дж. Милля “Основы политической экономии”».

Его можно рассматривать как подготовительный материал к ним. Значение этого конспекта в том, что он знаменует переход от исторически абстрактной антропологии Л. Фейербаха к анализу конкретной социально-экономической реальности. По сути, уже здесь К. Маркс начинает синтез наиболее влиятельных интеллектуальных традиций своего времени: немецкой классической философии, английской политэкономии и французской социальной критики (коммунизма), синтез, плодотворно продолженный им на страницах «Экономическо-философских рукописей 1844 г.». Гегелевское понятие отчуждения К. Маркс использует для обозначения социальной реальности. Содержание этого понятия здесь представлено как выражение отношений людей друг с другом. Недостаток социально-исторической конкретики, свойственный Л. Фейербаху, восполняется К. Марксом привлечением политэкономического материала, который он берет у Дж. Милля и критически переосмысливает. В итоге К. Маркс приходит к выводу: в то время как обмен «человеческой деятельностью внутри самого производства, так и *человеческими продуктами* равнозначен *родовой деятельности* и родовому духу, действительным, осознанным и истинным бытием которых является *общественная деятельность и общественное наслаждение*»¹, денежный обмен (и основанное на нем общественное производство) приводит к тому, что человек оказывается «отчужден от самого себя, что *общество* этого человека есть карикатура на его *действительную общественную связь*».² Этот тезис он развернет в Рукописях 1844 г., в главе «Отчужденный труд».

Но, что самое примечательное и на что мало кто обращал внимание, уже в этом конспекте К. Маркс реализует принцип *различия практик*. Определив отчужденную человеческую деятельность как «карикатуру» человеческой природы, он пытается понять, в чем состоит производство, которое, наоборот, «было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность», когда бы «мы производили бы как люди».³ Принцип различия практик будет развит им

---

¹ Маркс К. «Конспект книги Дж. Милля “Основы политической экономии”» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 42. С. 23.

² Там же.

³ Маркс К. «Конспект книги Дж. Милля “Основы политической экономии”» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 42. С. 36.

позже в учении об «упразднении труда» как предпосылке «царства свободы» (а отнюдь не его «освобождения», как полагали многие марксисты XIX-XX вв.) в «Немецкой идеологии» и Рукописях 1857-1861 г. Именно в этом учении коренится позитивная программа К. Маркса.

Судьба произведений 1844 г. К. Маркса непроста, как и судьба всего его учения в целом.

Написаны они были двадцатилетним Карлом в Париже. Шел второй год его супружеской жизни и политической эмиграции. В мае у супругов Маркс родился первый ребенок — девочка, названная Женни. За спиной у Карла — учеба в Боннском и Берлинском университетах, редакция «Rheinische Zeitung», первые политические столкновения с прусским государством, первые теоретические споры с младогегельянцами, и первые философские описи: диссертация об Эпикуре и незаконченная монография «К критике гегелевской философии права». В Париже провинциальный журналист из патриархальной Германии окунулся в новый для себя мир — мир бурлящего экономическими и политическими страстями молодого капитализма. Помимо парижской обыденности, новое общественное устройство пришло к нему в виде книг английских политэкономов и французских коммунистов. Конспект книги Дж. Милля и Рукописи 1844 г. стали первой реакцией на все это с позиции усвоенного на Родине теоретического багажа — гегелевской диалектики, переосмысленной в антропологическом ключе Л. Фейербахом. По сути, работа над ними стала исходным пунктом многолетнего научного труда, который был завершён изданием «Капитала».

Парижские Рукописи дошли до нас в виде трех тетрадок — 10 глав с предисловием — и не являются цельным произведением. Редко какая глава завершена. Более того: из связки бесследно пропали несколько страниц, из-за чего концепции автора, например, в важнейшей главе «Отчужденный труд», вызывают много вопросов. Видимо, уяснив суть дела в принципе относительно материалистической диалектики общественного развития, и осознав необходимость более фундаментальных исследований, К. Маркс бросил работу над ними ради углубленного изучения политэкономии. В начале следующего года

он подписывает договор на издание политэкономического трактата, с условием представления его издателю в завершённом виде уже осенью. Это обещание К. Маркс не выполняет. Вместо этого он публикует написанные совместно с Ф. Энгельсом «Святое семейство» (1845 г.) и «Манифест коммунистической партии» (1848 г.), а так же созданную им соло «Нищету философии» (1847 г.). Затем следуют работы, анализирующие текущую политику: «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1850 г.) и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852 г.). В 1857 г., в Берлине выходит «К критике политической экономии». В 1867 г. издается главное произведение К. Маркса, путь к которому был начат им в 1844 г. в Париже — «Капитал». Тираж большинства этих произведений при жизни их автора, как правило, не превышал тысячи экземпляров. Неизданными остаются, кроме Рукописей 1844 г., «Немецкая идеология» (1846 г.) и Рукописи 1857-1861 гг., написанные в Лондоне, в библиотеке Британского Музея.

Таким образом, произведения К. Маркса распадаются на две группы: те из них, которые были опубликованы при жизни автора и те, которые еще долго после его смерти оставались неизданными. При чем, во вторую группу входят именно те из них, где в более или менее развернутом виде изложена его философская антропология. Как мы видим, его учение доходило до читателей-современников фрагментарно. В основном они могли прочесть либо его политические, либо политэкономические работы. Философские же произведения долгое время не публиковались, а значит, оставались не освоенными. Рукописи 1844 г. впервые полностью увидели свет только в 1932 г., а Рукописи 1857-1861 гг. — аж в 1938-1941 (в Советском Союзе). Вывод трагический: только верхушка айсберга, названного «классическим марксизмом», оказалась доступной взору современников, его последователей и его критиков. Все они могли знать философскую антропологию К. Маркса отрывочно, по «Тезисам о Фейербахе» (опубликованных еще Ф. Энгельсом в 1888 г.) и кускам из «Святого семейства» и «Капитала». Методологический и мировоззренческий фундамент учения К. Маркса — философско-антропологические предпосылки — так и остался им неизвестным. В их представлении классический марксизм являлся учением

революционно-политическим и политэкономическим по преимуществу. В соответствии с этим он и получил одностороннее развитие и столь же одностороннюю критику: как революционно-политическое и политэкономическое учение. Возникшие после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса теоретические конструкции закономерно выродились в разнообразные идеологические формы: либо в схоластические или позитивистские упражнения советских идеологов, либо в учения о захвате и сохранении власти вроде многочисленных леворадикальных теорий, либо в социал-демократический реформизм, в духе учения Э. Бернштейна отражающий повсеместное обуржуазивание широких слоев населения промышленно развитых стран. Все эти «марксизмы», претендующие на «творческое развитие учения К. Маркса» были порождены уже иными общественными условиями, чем те, в которых жили создатели их исходного теоретического материала. Эти конструкции — продукты разложения последнего, разложения, неизбежного в новых исторических обстоятельствах. «Аутентичное», исходное учение Маркса противостоит им так же, как противостоит живой организм организму мертвому, распавшемуся на элементы. Как точно выразился по этому поводу В. Межуев: «Маркс против марксизма».⁴

Конечно, было бы упрощением сводить все дело к тому, что, допустим, такой представитель «революционного марксизма», как В. И. Ленин, так и не прочел Марксовых Рукописей и потому все богатство марксистского учения свел к теории и практике классовой борьбы. Дело, конечно, не *только* в этом. В конце концов, не будем забывать, что и для самого К. Маркса его философская антропология и, например, учение о диктатуре пролетариата — это одно целое. В его понимании первая (в особенности теория отчуждения) служила обоснованием освободительной миссии рабочего класса. И тот же В. И. Ленин последовательно реализовал революционную теорию К. Маркса со всеми ее достоинствами и недостатками, отвечая на потребности своей страны определенного исторического периода. Надо думать, знакомство с Рукописями отнюдь не помешало бы это ему сделать, а только укрепило бы в своих намерениях. Ибо такова была насущная

---

⁴ В. М. Межуев. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. — М.: Культурная революция, 2007. — 176 с.

задача, которая в представлении марксистов тех лет стояла на повестке дня: борьба за *конечную цель* пролетарского освободительного движения, которая была обозначена самими классиками в Манифесте Коммунистической Партии: посредством организации политического действия фабрично-заводского пролетариата выйти за пределы общественного устройства, основанного на частной собственности и классовом антагонизме.

Распад классического марксизма на составные части, на философскую антропологию и революционную доктрину, в полной мере произошел только в XX веке. Этот процесс выразил его идеологизацию, приспособление к нуждам партийной номенклатуры (социал-бюрократии), либо правящей (как в СССР), либо только борющейся за власть (как в Западной Европе) и использующей в своих политических целях левую риторику, поскольку она не утратила привлекательность для широких масс. На Западе эта тенденция была представлена Л. Альтюссером и частью левых радикалов, в СССР — официальным марксоведением, любившем обвинять раннего К. Маркса либо в «гегельянстве» либо в «фейербахианстве».

Односторонность развития марксизма провоцировала обвинения в его адрес в «абсолютизации классовой борьбы, экономических и политических факторов», в «схематизме» (идеализме), «социоцентричности», «тоталитарности», даже в скрытой религиозности и буржуазности. Но эта критика была мимо цели; она только наряжала его в буржуазные (политико-экономические) одежды. Антибуржуазное и, добавим, антибюрократическое, содержание его учения — его коммунизм, основанный на антропологическом учении Л. Фейербаха — ею вообще не осмысливался. И если эта критика велась с государственнической или буржуазной точки зрения, то она выглядела забавно: критические стрелы впивались не в К. Маркса, а в самих критиков, которые сами не мыслили вне «экономического и политического дискурса». Ибо, если учитывать философско-антропологическую часть Марксова учения, существенным его элементом является именно *критика* всех этих «дискурсов» как результатов отчуждения человека. Не случайно еще в 1845 г. К. Маркс сформулировал название своего

предполагаемого труда как «Критика *политики* и политической экономики»⁵ (курсив наш). Для К. Маркса мир экономики и политики, мир классового господства, есть мир человеческого отчуждения и потому недостоин иного отношения, кроме теоретической и практической критики. Его заслуга не в том, что он, как уверяли советские учебники, открыл классовую борьбу и зависимость человека от экономики. До него это было показано британскими политэкономками и французскими историками. А как раз в том, что он указал на преходящий характер этой зависимости и дал критику общественным формам, казавшимся до него незыблемыми и исчерпывающими всю человеческую природу.

Подчеркнем: беда некритической критики учения К. Маркса не в том, что она подвергала его критическому анализу (это делать необходимо, поскольку множество важных вопросов в классическом марксизме остались по тем или иным причинам не разработанными), а в том, что она оказалась неспособной дать его *философскую* критику. Она либо ограничивалась констатациями того, что и так уже стало в XX веке очевидно (например, К. Маркс переоценил социально-креативные способности фабрично-заводского пролетариата). Либо игнорировала социально-критический потенциал его учения и приписывала ему социальный утопизм и экономический и политический редукционизм. Борьба с такой псевдокритикой легко: чтобы показать ее несостоятельность, достаточно процитировать классика и, в частности, его Рукописи. Поэтому не случайно новейшая марксистская литература (Б. Кагарлицкий, А. Бузгалин, Т. Ойзерман и т.д.) изобилует цитатами из К. Маркса. Некритическая критика марксизма опровергается простым цитированием. Бессодержательность ее объясняется тем, что К. Маркс остается ею непрочитанным, неизученным.

Классический марксизм, понятый в единстве своих мировоззренческих и методологических предпосылок, есть отнюдь не апологетика классовой борьбы, но, скорее, учение о *преодолении* ее, о преодолении разного рода насильственных форм детерминации человеческого существования. Это учение о свободной деятельности человека (творчестве), об условиях, которые делают ее невозможной

---

⁵ Ж. Аттали. Карл Маркс. Мировой дух. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 400. (Серия ЖЗЛ)

и о преодолении этих условий. Именно таким марксизм предстал в результате экспликаций его философско-антропологических оснований, начатых франкфуртской школой (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас, Г. Маркузе, Э. Фромм) и французским атеистическим экзистенциализмом (Ж.-П. Сартр) после публикаций на Западе Рукописей К. Маркса. В СССР это дело было продолжено Э. Ильенковым, Г. Батищевым, Т. Ойзерманом, В. Межуевым и т.д.

В Советском Союзе публикуется весь корпус основных трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Казалось бы, наступает идеальная пора для их изучения. Но этим пользуются единицы среди советских интеллектуалов. Более широкому восприятию классического марксизма препятствует социально-исторический и социально-культурный контекст: марксистская риторика и теоретические схемы К. Маркса, выработанные им в других исторических условиях, используются правящими кругами для обоснования своей власти. Что вызывает у неискушенной публики естественную отрицательную реакцию на них. В результате складывается превращенная форма идеологии социального протеста: он упаковывается в идейную форму, ранее служившую для обоснования классового господства (державно-консервативную и буржуазно-либеральную). Но в то же время антропологически трактованная К. Марксом коммунистическая теория, сама мысль о возможном обществе, где «каждому — по потребности», обнаруживает и в этих условиях свой социально-критический потенциал. Достаточно вспомнить советскую социальную фантастику, хотя бы повести братьев А. и Б. Стругацких и К. Булычева. Она воспроизводила освободительно-гуманистический пафос Рукописей К. Маркса и даже его Манифеста (именно пафос, а не схемы) и в то же время служила выражением оппозиционных настроений в среде антисоветской интеллигенции. В так называемом «антикоммунизме» последней не было ничего собственно антикоммунистического: она так же, как и коммунисты XIX века, возмущалась царящей социальной несправедливостью и социальным неравенством. Но ложная — антикоммунистическая — форма социального протеста делала ее уязвимой для социальных манипуляций, чем и

воспользовалась постсоветская номенклатура, в 90-е гг. предпринявшая попытку возврата к рыночной модели XIX века.

Последующее мировое общественное развитие все вернуло на свои места. Власть имущие, как и в прежние времена, стали опираться на религию, иррационалистические светские идеологии и мифы, а марксизм оказался вытесненным на обочину общественного сознания. Приверженцы теории К. Маркса, могут, конечно, сетовать на это, на неблагоприятную издательскую политику, на скудный читательский интерес и, в общем, на невыгодные для них идейные «мейнстримы» в общественном сознании. И все это будет верно. Однако они должны отдавать себе отчет в том, что марксизм это именно социально-критическое учение. А это само по себе предполагает, что его внутреннему содержанию адекватен как раз не ангажированный статус. Ведь было бы странно, если б, скажем, взгляды апостолов анархизма М. Бакунина или П. Кропоткина стали исповедоваться правящими кругами какого-нибудь государства. Разумеется, что в этом случае от анархизма осталась бы одна словесная шелуха. Марксизм, будучи учением о человеческой эмансипации в качестве господствующей идеологии в классовом обществе (каким, без сомнения, являлось советское общество) представляет собой так же просто *другую* идеологию. Ибо содержание идей определяется, в конечном счете, людьми. Не идеи сами по себе господствуют над ними, а люди господствуют над другими людьми с помощью идей. Инструментом господства, как показывает история, могут служить совершенно любые, даже самые добродетельные мыслительные конструкции. Поэтому всякая попытка превратить марксизм в теорию управления (что происходит теперь, например, в Китае, где его пытаются переплести с конфуцианством), неизбежно влечет за собой инверсию его содержания. Если есть марксисты, которые этого не понимают и восхищаются китайским опытом, то это как раз разоблачает их желание не эмансипировать людей, а именно управлять ими.

Советское официальное марксоведение утверждало вслед за Ф. Энгельсом, что «зародышем нового мировоззрения» К. Маркса являются Тезисы о Фейербахе, набросанные им в записной книжке в 1845 г. Действительно, в них даны четкие,

ранее не встречавшиеся формулировки, отражающие краеугольную для К. Маркса идею о социально-деятельностной природе человека. Но на самом деле содержательно в них нет ничего, чего не было бы в Рукописях 1844 г. Это, прежде всего, касается именно трактовки человеческой природы.

Следует учитывать, что та идея, что сущность человека — это «ансамбль», *живая общность* отношений людей друг с другом, не есть оригинальное открытие К. Маркса, сделанное им якобы в Тезисах. До него в подобном же духе рассуждал и Л. Фейербах. Так, в «Основных положениях философии будущего» он пишет: «Отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает в себе человеческой сущности ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общности, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты».⁶ Перефразируя известное высказывание К. Дебюсси о том что «музыка — это то, что между нотами», совместную мысль Л. Фейербаха и К. Маркса можно выразить так: человек — это то, что происходит между индивидами. Трактую именно таким образом человеческую сущность, оба мыслителя встраиваются в философскую традицию, особой значимостью в которой пользовался *контекст*, связь между феноменами. В рамках этой традиции шел поиск «сущности» вещей не в их обособленном состоянии, а в их взаимосвязях. Что-то подобное можно обнаружить уже у первых философов, чья мысль еще отчасти была мифической, например, у Лао-Цзы, помещавшего высший принцип всего сущего — Дао (он же — принцип пустоты) — между вещами или элементами вещей.⁷ А так же у остальных философов даосской школы, например, у Чжуанцзы, задолго до Фихте выделившего понятия «Я» и «не-Я».⁸ Позже этот метод миропонимания воплотился в учении Гегеля.

Разумеется, аналогия между китайскими мудрецами и немецкими мыслителями XIX столетия здесь условна и употреблена лишь для того, чтобы

---

⁶ Л. Фейербах. Основные положения философии будущего. \ Л. Фейербах. Сочинения в 2 томах. Т. 1. — М., Изд-во «Наука». 1995. — С. 143.

⁷ Лао-Цзы. Дао-де-дзин. Стих 11. \ Пер. И. С. Лисевича. М.: ООО «АиФ Принт», 2004. 316 с. С. 69.

⁸ Чжуанцзы. О равенстве вещей. \ Дао. Гармония вещей. М.: «Эксмо-Пресс»; Харьков: «Фолио». 2000. 864 с. С. 159.

стала очевидна та «дистанция огромного размера», отделяющая последних от вульгарных материалистов и позитивистов, исповедующих «религию вещиности» и «авторитет факта».

Но уже на страницах Рукописей 1844 г. общественная действительность (человеческая сущность) «берется» их автором как «чувственно-человеческая деятельность, как практика», «субъективно».⁹ Уже здесь субстанция человеческой жизни, способ человеческого бытия, для него есть не просто «ансамбль» или «совокупность» человеческих отношений (что, как мы видели, было известно и Л. Фейербаху), а именно *деятельность*. «Что такое жизнь, если она не есть деятельность?»¹⁰ — задает он в риторический вопрос в главе «Отчужденный труд», видимо, недоумевая, как можно мыслить иначе. Человек или человеческая сущность по К. Марксу, — это не только то, что происходит между людьми, но главным образом то, что они создают во взаимодействии друг с другом. Например, любовь — это не только ощущения и переживания влюбленных, но, прежде всего, то, что происходит между ними в результате их совместного общения и то, что в результате этого получается. Бытие человека в понимании К. Маркса не есть некая равнодушная к нему самому сила, как это выходило у французских материалистов XVIII в., оно есть сама его деятельность, взятая в единстве с деятельностью всех остальных людей в историческом измерении. И этот новаторский подход выражен уже в Парижских Рукописях. В последующих произведениях (в том числе и в Тезисах о Фейербахе) последовала разработка понятийной сетки, соответствующей этому подходу. В результате понятие общественно-исторической практики как конкретизированное понятие человеческой деятельности, становится основным в классическом марксизме.

Идея о том, что всякий человек является результатом своей собственной деятельности, плохо усваивается обыденным сознанием по той простой причине, что она противоречит очевиднейшим эмпирическим данным. В обществе ежесекундно воспроизводится ситуация зависимости людей от внешних для них сил. В повседневном существовании мы часто превращаемся в пассивных

---

⁹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 42. С. 261.

¹⁰ Маркс К. «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 91.

созерцателей их игры, и даже становимся ее жертвами. Именно это хотел показать М. Булгаков, безжалостно отправляя самоуверенного атеиста Берлиоза под трамвай. Именно это имеют в виду и разнообразные критики прогрессистского оптимизма — от религиозных адептов до А. Тоффлера и А. Печчеи. В контексте наших общественных реалий оптимистический пафос деятельностного подхода, противостоящего теологическим спекуляциям о провидении божьем, сам сводится к не менее умозрительным уверениям о том, что «человек — кузнец своего счастья». Как это уже имело место в советскую эпоху. Налицо, таким образом, противоречие между рациональностью деятельностного подхода и общественной реальностью. И оно разрешается К. Марксом в Рукописях 1844 г. в концепции отчужденного труда. Очевидно, что деятельностный подход должен излагаться всегда в связи с теорией отчуждения. Только так его можно наполнить жизненным смыслом.

Вкратце теория отчуждения К. Маркса состоит в следующем.

Производительная деятельность (труд), в которую вступает индивид, кроме своего конкретно-профессионального и политэкономического содержания, имеет еще и содержание *личностное*. Она представляет собой «деятельное осуществление» «*индивидуального бытия*» «того, кто трудится».¹¹ В каждой выполняемой работе индивид не только воплощает свое практическое отношение к природе, к технике, к обществу, но и реализует определенное отношение к себе самому. Врач не только лечит больного, президент не только управляет государственным аппаратом, но они в этой деятельности как-то развивают или, наоборот, подавляют свои индивидуальные свойства, способности, потребности, интеллектуальные и физические силы. Одним словом, каким-то образом *опредмечивают*, воплощают, реализуют себя, свою личность.

При всем многообразии форм человеческой деятельности в этом смысле можно выделить два ее типа.

Ограниченность, неразвитость средств производства, соответствующая начальному этапу человеческой истории, предполагает скудный объем

---

¹¹ Маркс К. «Конспект книги Дж. Милля “Основы политической экономии”» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 27.

производимого предмета человеческих потребностей и, следовательно, одностороннее развитие самих человеческих потребностей, способностей и качеств. В этих условиях либо полностью, либо частично для индивида исключена свобода выбора образа жизни и, в особенности, форм производительной деятельности. Он вынужден подчиняться «внешней целесообразности»¹² трудиться, то есть, вынужден заниматься такой производительной деятельностью, которая только своими результатами удовлетворяет его потребности, но которая со стороны своего содержания и способов выполнения, потребностью не является. Она интересует человека только как *средство* — например, средство получения заработной платы или питательных плодов. И в ней он видит смысл лишь постольку, поскольку она играет роль такого средства. Выражением этой внешней целесообразности служит труд. Вынужденно уделяя ему большую часть своей жизни, индивид *бессознательно* или осознанно использует себя, свое существование и свое сознание как *будто* вещественное *средство*, а непосредственной целью своей деятельности полагает не себя, а какой-то противостоящий ему предмет, к обладанию которым он только стремится.¹³

Конкретное социальное обличие внешней целесообразности варьируется сообразно исторической эпохе. Так, она может быть представлена как внешняя необходимость в виде непосредственной угрозы голода, то есть, в виде природной стихии, затем, в виде *другого* человека с оружием в руках, или в виде анонимных правовых, административных или экономических отношений. В любом случае ее принудительный характер по отношению к индивиду не меняется.

В процессе производительной деятельности, вызванной довлеющими над ним обстоятельствами, человек относится к самому себе как к *чужому*. Иначе говоря, он *отчуждает* себя от своей личности. Поэтому такую деятельность К. Маркс назвал *отчужденный труд*. В условиях регулярно производимого излишка продуктов она является базовой формой и причиной любых других форм социального отчуждения. В конечном итоге любое отчуждение человека есть его

---

¹² К. Маркс. Капитал. Т. 3. Кн.3. Ч. 2. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 386.

¹³ Маркс К. «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 42. С. 92.

самоотчуждение. Понятие «самоотчуждение» является одним из ключевых категорий в философской антропологии К. Маркса. Оно впервые появляется в Рукописях 1844 г. после анализа отношения «рабочего к продукту труда как к предмету чуждому и над ним властвующему», в чем состоит одна сторона отчуждения. Другая его сторона — «отношение рабочего к его собственной деятельности как к чему-то чуждому». «Это и есть самоотчуждение, тогда как выше шла речь об отчуждении вещи». ¹⁴

Описываемое К. Марксом социальное отчуждение на страницах его произведений предстает именно как самоотчуждение человека, порождающее все иные отчужденные формы человеческого бытия: «...собственность, капитал, деньги, наемный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих». ¹⁵ «Отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности». ¹⁶ Теория деятельности и теория отчуждения слиты у К. Маркса в одно целое. Отсюда следует, что только те изменения в действительности революционизируют социальный мир, которые революционизируют и самую деятельность человека. Эту тему К. Маркс развивает в Немецкой идеологии и в Рукописях 1857-1861 гг., в учении об «упразднении труда» и «свободной деятельности» («самодеятельности», «универсальной деятельности»). Отметим, что эти его произведения были изданы довольно поздно, и никак не могли быть учтены марксистами начала XX в. при определении предпосылок некапиталистического общества.

В зависимом существовании, в каком находится человек, вовлеченный в отчужденный труд, ему противостоит как чужая вся природа: и не только внешняя «*natura naturans*», воспринимаемая им лишь со стороны ее физико-химических свойств как *сырье*, лишенное эстетического измерения, но и его собственная деятельная природа. Выражается это в том, что одни свои потребности он удовлетворяет за счет подавления других потребностей, одни свои способности

¹⁴ Маркс К. «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 42. С. 91.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 2. С. 58.

¹⁶ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. 42. С. 98.

развивает за счет ущемления всех остальных способностей, один вид деятельности совершает за счет невозможности выполнять другие виды деятельности, вступает в одни отношения с людьми за счет того, что изгоняется из других отношений. Существование человека в этих условиях сводится к выполнению *социальных ролей*, свободный выбор которых здесь исключен или затруднен. Профессиональное мастерство оборачивается в этом случае *профессиональным идиотизмом* (К. Маркс) — односторонним восприятием мира, обусловленным особенностями профессиональной деятельности. Социальные роли реализуются в рамках *частных*, ограниченных, неразвитых социальных отношений. В их контексте человеческая жизнь выступает в общественных формах, скрывающих за собой свое действительное содержание. В «Капитале» К. Марксом они названы «превращенными формами».

Подавленные потребности и способности индивида вытесняются в его бессознательное, конфликтуя с осознанным содержанием. Это порождает депрессию и неврозы. Классическим примером этого служит так называемая «болезнь менеджеров» — психологическое расстройство, впервые давшее о себе знать в среде внешне благополучных представителей «среднего класса» США в 60-е годы XX века. Выражалось оно в хронической бессоннице, снижении жизненного тонуса, нарушении половой функции и т. п. По мнению психологов, непосредственной причиной этого расстройства было отсутствие, вследствие большой загруженности на работе, *свободного времени*, которое можно было бы потратить на себя. Сведение всего богатства личностного поведения, личностных качеств и способностей до стереотипов, обусловленных социальными ролями, обедняет личность. В современной социально-критической и психологической литературе такое состояние человеческой личности обозначают понятием «*массовый индивид*», подразумевая индивида со «стертой» психикой, похожего на обезличенные персонажи рекламы и идеологической пропаганды. Этот тип личности К. Маркс в Рукописях 1857-1861 гг. называет «случайным индивидом», а в XX в. он был описан Г. Маркузе как «одномерный человек»¹⁷ и Э. Фроммом как

---

¹⁷ См.: Г. Маркузе. Одномерный человек. М.: Relf-book, 1994. 368 с.

«авторитарная» или «зависимая» личность.¹⁸ У всех этих авторов этот социально-психологический феномен трактуется как источник, и одновременно как жертва различных социальных патологий.

Кроме индивидуального, отчуждение имеет и социально-историческое измерение. Оно выражается в следующих общественных формах.

Ситуация, когда выбор форм производительной деятельности определяется не потребностями индивида, не его личностным развитием, а какими-то внешними факторами, например, рыночной или политической конъюнктурой в обществе, проявляет себя в расколе деятельностной сферы человеческого существования, в общественном *разделении труда*, в специализации трудовой деятельности. Согласно К. Марксу, первой крупной исторической формой разделения труда было разделение на труд «духовный» и «материальный».

Разрозненность трудовых процессов и, вместе с тем, наличие общих потребностей и целей в социуме (обеспечение прожиточного минимума, отражение внешнего врага и т. д.), делали необходимым внешнее управление производством. Сфера собственности (то есть, сфера присвоения предмета *как сфера, необходимая для освоения какой бы то ни было предметности*¹⁹), а так же сферы управления и распределения вообще, обособляются от производительной деятельности (в эпоху первобытного коммунизма они существовали слитно) и оказываются противопоставленными ей в лице *частной собственности, бюрократии и государства*. Это означало распад общества на *классы* — на группы людей, различающихся, прежде всего, способом приобретения жизненно необходимых благ и местом в системе общественного разделения труда. Вместе с классами возникают и *межклассовые и внутриклассовые противоречия*, а так же *идеология*, отражающая классовые и групповые интересы и цели. На этой социальной основе развились особые, соответствующие классовому обществу, мораль, религия и тот вид семьи, в основе которой лежат не столько отношения любви, сколько экономические отношения.

---

¹⁸ Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. / Перевод с англ.; Предисловие П. С. Гуревича. М.: Айрис-Пресс, 2004. 384 с. (Человек и мир).

¹⁹ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С.119-121.

Таким образом, отчуждение представляет собой раскол единой человеческой природы на индивидуальном и социальном уровне, *отчуждение* от индивида общественного богатства. Это означает не только распад социального организма на противоборствующие классы, но и органические (физиологические и психические) нарушения. *Отчуждение* человеческого предмета выражается в *социальном и индивидуальном нездоровье*. Отчужденное общество можно назвать, используя выражение Э. Фромма, *больным обществом*.

Как мы видим, о соотношении частной собственности и отчуждения у К. Маркса сказано четко: отчужденное состояние труда непосредственных производителей является причиной их эксплуатации и частной собственности. Однако в советской официальной идеологии этот вопрос решался прямо противоположным образом: частная собственность объявлялась причиной отчуждения. Так обосновывалась позитивная программа коммунизма индустриальной эпохи. Уничтожение частной собственности (что, якобы, уже было достигнуто в СССР) мыслилось как ликвидация отчужденного состояния труда и общества как такового. Советская идеология, *номинально* наследуя идеологию освобождения фабрично-заводского пролетариата, исходила из того, что в Советском Союзе «господствовал труд», то есть «рабочие и крестьяне в союзе с трудовой интеллигенцией». Мысля в рамках этой идеологии, невозможно было признать, что именно труд является источником социального отчуждения и частной собственности. Но тем самым отвергалась сама сердцевина коммунистической теории К. Маркса — учение о самоотчуждении человека в труде, а с ней вместе и учение о деятельности как о субстанции человеческого существа. В итоге коммунистическая теория превращалась в разновидность метафизики. Так что, о каком господстве марксизма в Советском Союзе можно говорить? Господствовал не марксизм, а именно метафизика, в статусе официальной идеологии рядившаяся в понятийные одежды марксизма, а в статусе идеологии оппозиционной воскрешавшая мыслительные конструкции домарксовской эпохи. Выйти за рамки той и другой было можно, только переосмыслив заново все общественное развитие, проделанное мировым

сообществом в XX веке сквозь призму материалистической диалектики. Это стало возможно только в ходе трансформации советского общества в конце 80-х – начале 90-х гг., когда обнаружилась истина социальных процессов советской эпохи.

Следует особо подчеркнуть, что в понимании К. Маркса социальное отчуждение имеет *всеобщий характер*. Его общественные формы являются ограничением не только для угнетенных слоев населения (что очевидно и что, как правило, связывают с эксплуатацией), но и для слоев господствующих: «все то, что у рабочего выступает как *деятельность отчуждения*, у не-рабочего выступает как *состояние отчуждения*».²⁰ Обладание собственностью способно расширить социальные возможности собственника, но само по себе оно еще не означает самого факта реализации этих возможностей, не означает факта *освоения* общественного богатства. Проще говоря, *сама по себе* частная собственность на средства производства никого еще не делала счастливым. Собственность налагает на собственника определенные обязанности и поведенческие стереотипы, обусловленные не только экономическими факторами, но, в том числе и те, что навязываются ему идеологией, предрассудками и суевериями его класса или корпорации.

В Парижских Рукописях феномен социального отчуждения описан К. Марксом на материале фабрично-заводского производства середины XIX века. Перед его глазами стояли страшные реалии материальной нищеты тогдашнего рабочего класса. Сейчас это уже история. Но во второй половине XX столетия отчуждение воспроизвелось на новом уровне. Чтобы показать это, вспомним основные признаки общественного устройства современных индустриально-развитых стран (в том числе и нынешней России). Они достаточно полно описаны в социально-критической литературе середины и второй половины XX века. А потом сравним их с описанными К. Марксом свойствами общества «всеобщей частной собственности» как первой стадии коммунизма — особой формы общественных изменений, отрицающей частную собственность.²¹ На этой стадии

²⁰ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 99.

²¹ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 114.

«действительное отчуждение человеческой жизни остается в силе и даже оказывается тем большим отчуждением, чем больше его сознают как отчуждение».²² В итоге мы сможем оценить как ложное набившее оскомину утверждение, что Марксовы прогнозы социального развития потерпели крах.

1. Современному индустриально-развитому обществу («обществу потребления») присуща обезличенность социальных связей, обезличенность, усредненность потребления и производства, абстрагирование от таланта, оригинальности, индивидуальности, как потребителя, так и производителя, что выражается в господстве особой эстетической нормы массовой культуры — *китча*, «попсы». Эта усредненность потребительских норм на данном уровне развития производительных сил выступает как реализация принципа социальной справедливости. Рынок здесь обнаруживает себя как *диктатура посредственности*, в то время как «тоталитаризм» (это «свое иное» рынка, превращенный рынок, рынок, опосредованный идеологией), проявил себя как *посредственность диктатуры*. Свою обезличенность «массовый», «случайный» индивид компенсирует тем, чем он был обделен в условиях «нормального капитализма» XIX века, представлявшего собой «войну всех против всех». А именно: удовлетворением психологической потребности в солидарности, в защищенности, в чувстве вовлеченности в одно общее великое дело («строительство коммунизма», осуществление «национальной идеи», «американской мечты», «культурной революции» и т. д.). И это проявилось не только в условиях так называемого «тоталитаризма», но и в странах, где господствует либеральная демократия.

Говоря словами К. Маркса из Рукописей 1844 г., здесь «господство *вещественной собственности ... так велико*», что оно проявляется в стремлении «уничтожить все то, чем, на началах *частной собственности*, не могут обладать все». Этот коммунизм, «отрицающий повсюду *личность человека*», «хочет насильственно абстрагироваться от таланта».²³

---

²² Там же. С. 135-136.

²³ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 114.

2. «Массовый» индивид в этих условиях считает приоритетным такое отношение к вещам и другим людям, в которых они фигурируют в качестве *средств*, служащих для достижения его целей. Этот стереотип социального поведения Э. Фромм назвал в книге «Иметь или быть?» «модусом обладания». Но он лишь повторил сказанное К. Марксом в Рукописях: «Непосредственное физическое *обладание* представляется ему <первоначальному коммунизму как всеобщей частной собственности — А. К.> единственной целью жизни и существования».²⁴

3. Все классы современного индустриально-развитого общества, будь то капиталист, чиновник или рабочий, осознают себя как *трудящиеся* на общее благо, — по крайней мере, так *декларируется* господствующими религиями и идеологиями. Иначе говоря, в общественном сознании здесь преобладают не «мысли господствующего класса» в их непосредственном, эгоистически циничном выражении, а именно иллюзорно-всеобщие формы, скрывающие всякий узкоклассовый интерес. Говоря словами К. Маркса, при данном общественном устройстве «категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей».²⁵

4. Отношение частной собственности остается мерой всех остальных отношений. То есть на данной стадии общественного развития «отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей».²⁶ Логика политэкономии становится логикой индивидуальной жизни. Политэкономия поэтому здесь есть психология, а психология — политэкономия (как это выражено, к примеру, в американской практической психологии в лице Д. Карнеги, Э. Берна, Э. Шострома или в экономических сочинениях либерала Ф. Хайека). Снижение рождаемости в данных общественных условиях непосредственно связано с ростом социальных перспектив (с возможностью карьерного роста, образования и т. д.). Поэтому оно является не чем иным, как проявлением *субъективного мальтузианства*, превращенного из

---

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 114.

политэкономической теории в психологический фактор отчуждения родовой жизни в пользу жизни политической, экономической или культурной. Так в этом обществе психология становится *теорией труда*, точно также как при классическом капитализме в качестве теории труда выступала политэкономия. И все это проводится тем более последовательно, что частная собственность здесь, в силу своей «всеобщности», на деле обнаруживает свой гуманистический потенциал, позволяя массовому собственнику пользоваться материальными и духовными благами в пределах господствующих в обществе потребительских стандартов и в условиях относительно автономного существования. Это последнее обстоятельство делает подавляющее большинство индивидов, составляющих данное общество, совершенно невосприимчивыми ко всякого рода коммунистическим и социалистическим теориям, толкующим о создании «общественной собственности». В восприятии большинства эти теории не могут стать реальной альтернативой рыночной экономике, поскольку противоречат самой человеческой природе, а именно природе самих этих индивидов как частных собственников.²⁷ Таким образом, этот первоначальный коммунизм как «лишь последовательное выражение частной собственности» и в тоже время являющийся ее отрицанием²⁸, внутренне противоречив.

5. Противопоставляя обыкновенной частной собственности частную собственность *всеобщую*, массовое сознание здесь на деле разрушает частность, исключительность, «святость» семьи и брака тем, что самые интимные отношения между мужчиной и женщиной выставляет напоказ, «обобществляет». Собственно, это и есть то, что буржуа прежних времен называли «общностью жен», обвиняя коммунистов в стремлении эту общность ввести. Здесь, правда, «общность жен» в известной степени остается виртуальной, обнаруживая себя, прежде всего, в «желтых» СМИ, в Интернете, порнографической литературе и кинематографе, в самой эротической составляющей массовой культуры. Тем не менее, можно сказать вслед за К. Марксом, что присущее этому обществу противопоставление

---

²⁷ Маркс К. «Конспект книги Дж. Милля “Основы политической экономии”» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 24-25.

²⁸ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 114.

частной собственности *всеобщей* частной собственности «выражается в совершенно животной форме», когда «браку (являющемуся, действительно, некоторой формой *исключительной частной собственности*)» противопоставляется «общность жен, где, следовательно, женщина становится *общественной* и *всеобщей* собственностью. Можно сказать, — пишет он далее, — что эта идея общности жен <то есть эротический элемент массовой, обезличенной культуры общества потребления — А. К.> выдает *тайну* этого совершенно еще грубого и неосмысленного коммунизма. Подобно тому, как женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции, так и весь мир богатства, то есть предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом».²⁹

Первое, что бросается здесь в глаза: коммунизм для К. Маркса есть органичная часть естественно-исторического, экономического процесса³⁰, а не политическое действие особым образом организованной части (партии) общественных сил, как он стал пониматься, например, В. И. Лениным и его недругами. Во-вторых. Современное промышленно развитое общество по своим существенным характеристикам совпадает, как ни покажется это странным «посткоммунистическому» читателю, с «коммунизмом в его первой форме», выступающим как «*всеобщая частная собственность*». В советское время эти названия относили обычно к утопическому социализму, теперь их часто относят к советскому режиму или, по крайней мере, к определенным этапам его развития, таким как, например, «военный коммунизм» времен гражданской войны или сталинизм. По сути, это верно. Но разница между «казарменным коммунизмом» эпохи ГУЛАГа и *дворцовым коммунизмом*, «коммунизмом» вилл и коттеджей «неолиберальной» эпохи М. Тэтчер и Р. Рейгана, — по большому счету только в уровне материального благополучия масс и степени манипулирования ими. В обоих случаях одинаково мы видим обезличивание индивидов, «абстрагирование от таланта», возвеличивание труда как всеобщей ценности и бесцеремонное вторжение в частную жизнь, получившее в начале XXI века государственную

²⁹ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 114.

³⁰ См так же: К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 71.

санкцию под предлогом «борьбы с терроризмом», как это произошло, например, в США при администрации Дж. Буша. Таким образом, смещается ракурс рассмотрения современного общества: вместо «окончательно и бесповоротно» (как уверяют нас идеологи буржуазии) победившего капитализма («конца истории») мы видим одну из форм его самоотрицания, не вышедшую, правда, еще за рамки прежней общественной формы. Оказывается, что под личиной «капиталистического индустриального (или «постиндустриального») общества» скрывается «общество всеобщей частной собственности» или «грубый коммунизм», по слову К. Маркса. Правда, этот вывод не будет неожиданным, если мы вспомним, что исторически предшествовало рождению этого «общества потребления»: а именно эмансипация фабрично-заводского пролетариата («труда») в результате протестных (революционных и реформистских) движений во всех без исключения промышленных странах мира. И Октябрьская революция, и революционные события в Германии и Австро-Венгрии в 1918 г., и гражданская война в Испании с установлением Советской власти в Барселоне, и реформы Ллойд-Джорджа, а затем и лейбористов в Великобритании, и реформистская деятельность Народного Фронта во Франции, социал-демократов в Швеции и Т. Рузвельта в США, а потом и так называемые кейнсианские реформы, происходившие на Западе повсеместно — все это сливается в единый поток социальной революции, навсегда изменившей облик капитализма. В результате ее впервые в мировой истории экономическое, политическое и культурное развитие общества стало отражать в той или иной степени последовательности интересы непосредственных производителей, субъекта труда — «определенным образом выдрессированной силы природы».³¹ Этому способствовало возникновение механизмов сознательного регулирования и распределения общественных продуктов, без которых, как показывает нынешний финансовый кризис, уже не может функционировать ни один промышленно развитый социум.³²

---

³¹ К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1861 гг. В 2-х частях. Ч. 2. М.: Политиздат, 1980. С. 111-112.

³² См.: А. Коряковцев. Философия социальной работы. Идеиные и исторические предпосылки социальной работы. Екатеринбург. Урал. гос. мед. академия Росздрава. Издательский дом «Филантроп». 2008. 190 с.

Очевидно, что К. Маркс в рукописях 1844 г. вскрыл фундаментальную закономерность общественного развития. Обнаруженные им общественные законы развития отражают природу человека в условиях *социального отчуждения* и его непосредственного, базового проявления — *отчужденного труда*.

Как происходит *присвоение* и *освоение* общественного богатства индивидами, в ходе чего преодолевается социальное отчуждение? Наиболее последовательно это может произойти в ходе осуществления особого типа производительной деятельности — *свободной деятельности*, совершаемой «общественными индивидами». Образование «общественных (общественно-необходимых) индивидов» в процессе «превращения труда в самодеятельность» и универсализации (глобализации) общения³³ являются предпосылками снятия отчуждения. Саму же «самодеятельность» К. Маркс рассматривает как необходимость человеческого организма, обусловленную его общественной природой. Такова общая схема. Наша современность наполняет ее жизнью.

Согласно К. Марксу, «уничтожение отчуждения исходит всегда из той формы отчуждения, которая является *господствующей силой*».³⁴ Если современное общество «всеобщей частной собственности» есть вместе с тем и общество, в котором господствует труд, то нынешнее уничтожение отчуждения означает отрицание труда, пока происходящее в абстрактной форме досуга как всеобщей ценности. Но коль скоро социальное отчуждение реализуется массовыми индивидами в процессе и в результате их самоотчуждения в труде, то это означает уничтожение самой предпосылки отчуждения³⁵: «Пределом для *капитала*, — пишет К. Маркс, — служит то обстоятельство, что ... созидание производительных сил, всеобщего богатства и т.д., знания и т.д., происходит таким образом, что трудящийся индивид отчуждает себя самого».³⁶

В понятии свободной деятельности («самодеятельности») содержится мысль, очевидная каждому родителю и педагогу: ребенок осваивает какое-либо

³³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 68-69.

³⁴ К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 135.

³⁵ В каких формах это происходит в современном мире, рассмотрено в статье: А. Коряковцев. Что такое «молодежная субкультура?» // «Урал». № 9. 2006. С. 86-100.

³⁶ К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1861 гг. В 2-х частях. Ч. 2. М.: Политиздат, 1980. С. 35.

содержание глубже и быстрее, если делает это не из-под палки, а свободно и с удовольствием, проявляя внутренний, осознанный интерес к изучаемому предмету. На этом основаны педагогические приемы *игрового обучения*. Но то же самое можно сказать и о взрослом человеке: он не только учится, но и делает любое дело тем эффективней, чем в большей степени свободным ощущает себя при его выполнении. Без ощущения этой свободы невозможно получить удовольствие от него, и, следовательно, невозможно сформировать крепкую мотивацию именно к данному виду занятий. Творческая деятельность как «свободная игра духовных и физических сил человека» (К. Маркс) включает в себя в качестве обязательного момента и момент наслаждения, удовольствия. Более того: социализация человека как таковая тогда успешнее достигает своей цели — формирование разносторонне развитой, автономной личности, если она на любой своей стадии происходит как *свободная деятельность* индивида, когда «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида».³⁷

Но деятельность может быть свободной лишь настолько, насколько она содержательна, предметна. Если человек не знает, что ему сказать, куда ему идти, что ему писать, то свободен ли он? Он в этом случае зависим от того, кто прямо или косвенно будет наполнять содержание его поступков и дел. Поэтому естественной предпосылкой свободной деятельности является активная и, вместе с тем, автономная, *личность*, «общественный индивид».

Содержание подобного рода деятельности определяет не разделение труда, не экономические факторы и не какая бы то ни было внешняя целесообразность, а, прежде всего, внутренняя, осознанная потребность индивида быть самим собой, потребность реализовать себя, воплотить внутреннее содержание своей личности. Иначе говоря, в ней человек *сознательно* полагает как свою *практическую цель* проявление своей целостности, самостоятельности, разносторонности в процессе освоения общественных богатств.³⁸ В этом случае сама по себе производительная деятельность, взятая и со стороны своего содержания и со стороны форм выполнения, составляет *потребность* индивида.

³⁷ К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1861 гг. В 2-х частях. Ч. 2. М.: Политиздат, 1980. С. 35.

³⁸ К. Маркс. Капитал. Т. 3. Кн.3. Ч. 2. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 386-387.

Это учение о «свободной деятельности» К. Маркса развито в теории *самоактуализации* А. Маслоу и в концепции «модуса бытия» Э. Фромма.

Возможности свободного саморазвития, и, следовательно, сама личность, есть результат исторического процесса. Свободное развитие затруднено или вовсе невозможно там, где человеческая жизнь сводится к борьбе за физическое выживание под давлением тяжкого труда и нищеты. Оно возможно лишь постольку, поскольку индивиду удастся выйти за рамки, predetermined конкретным разделением труда, а так же за рамки, определенные конкретной классовой структурой. Это предполагает нарушение уже сложившихся социальных связей, норм поведения, идейных и моральных стереотипов и часто *выглядит* как *девиация* с общепринятой точки зрения. В том случае, если развитие личности совпадает с логикой общественного развития, в своей деятельности она предвосхищает будущее состояние общества, будущие его культурные или социальные формы. В следующий исторический период наоборот, девиантными могут стать (и, как правило, становятся) нормы, господствовавшие в прошлую эпоху, нормы старших поколений. Это говорит об относительности, историчности *общественных норм*. Всякая общественная моральная или правовая норма возникла в определенном социальном контексте и только в нем раскрывает свое содержание. Такие, казалось бы, абсолютные нормы, как «не убий» или «непрелюбы сотвори» имеют смысл только в обществе, где совершаются убийства и изнасилования. Если вам незачем кого-то убивать или насиловать, то для вас эти нормы лишены всякого смысла, точно так же, как для вас не имеет смысл принимать лекарство, если вы здоровы. Всякая норма вызвана к жизни возможностью ее нарушения. Мораль и право существуют лишь постольку, поскольку в обществе существуют аморализм и несправедливость. В этом состоит их социально-историческая, ограниченная природа.

Для формирования личности и для ее свободного развития необходимо создание соответствующих общественных условий.

Во-первых, таким условием по К. Марксу является «*уничтожение труда*» и его *разделения*, то есть отсутствие необходимости для индивида заниматься

подневольным трудом, трудом-средством. Одной из предпосылок (правда, недостаточной) этого является выключение человека из сферы материального производства вследствие научно-технического прогресса, расширяющего и облегчающего для индивидов выбор форм и способов деятельности.³⁹ Это уже сейчас происходит в наиболее развитых странах мира. Так, например, в США до 70 % рабочего населения заняты в сферах образования и социального обслуживания.

Уничтожение труда подразумевает вторую предпосылку развития личности — наличие *свободного времени*.⁴⁰ Однако следует признать, что, будучи вовлечен в принудительный труд, человек тоже имеет свободное время. Но оно всецело определено его отчужденной жизнедеятельностью, режимом труда, и служит лишь для *экстенсивного* воспроизводства его жизненных сил, без их качественного роста. Человек использует свободное от работы время «для отключки», для развлечения, не обогащающего его потребности и индивидуальные свойства, а, наоборот, обедняющего их. Поэтому такое свободное время называется *экстенсивным*.

Условием же развития личности свободное время становится только за рамками разделения труда как *интенсивное* свободное время, как *целостное время человеческой жизнедеятельности*. Собственно говоря, в этом и заключается, согласно К. Марксу, «прыжок из царства необходимости в царство свободы», совершаемый личностью в ходе своего развития. В условиях разделения труда свободная деятельность обычно сводится к ремеслу и в своем облагороженном виде преподносится как художественное или научное творчество. Но, коль скоро в действительности суть человеческого дела — не в том, *что* делает человек (рисует ли картину или стругает доски), а в том, *кем* он при этом является — рабом или свободной личностью, то из этого следует, что его деятельность определяет все пространство его существования. Специфика ситуации субъекта отчужденного труда и субъекта свободной деятельности раскрывается с помощью понятия «образ жизни», описывающего доминирующие

³⁹ К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1861 гг. В 2-х частях. Ч. 2. М.: Политиздат, 1980. С.208, 216.

⁴⁰ К. Маркс. Экономические рукописи 1857-1861 гг. В 2-х частях. Ч. 2. М.: Политиздат, 1980. С. 220.

способы жизнедеятельности, формы общения, круг интересов и потребностей, а так же моделей поведения индивида. В сфере человеческого *самосознания* эта специфика отражается в понятии «смысл жизни». Оно раскрывает цели и задачи, которые ставит перед собой индивид.

Следующим условием развития личности является *доступность* предметно-смыслового богатства (общественная собственность на него). Только в этом случае деятельность индивида и его свободное время оказываются наполненными, обогащенными. Изоляция индивида, бедность его связей с внешним миром способствуют *личностной деградации*. Отсюда следует пророчество К. Маркса относительно «местного коммунизма», данное им в «Немецкой идеологии»: он будет упразднен «расширением общения»⁴¹ (что и произошло у нас в Перестройку). Стало быть, сфера собственности (присвоения, потребления), как сфера всестороннего контроля над предметом, является необходимым (но не достаточным) условием освоения общественных благ и, стало быть, личностного роста.

Разностороннее освоение предметно-смыслового содержания человеческой культуры служит предпосылкой *социального и индивидуального здоровья*. В общественном развитии, которое приводит к свободному, взаимозависимому, «универсальному» существованию личностей, заключается, по К. Марксу, *общественный прогресс*. Он не имеет ничего общего с утопиями, если понимается не как абстрактно желаемый итог общественного развития, а как результат общественного развития и трансформации самой практической деятельности людей. Так выздоровление больного наступает благодаря не молитвам, а совершенствованию методов лечения.

Такова вкратце антропология освобождения К. Маркса, вычитанная нами в его Рукописях. Прочтите и вы их. Это именно те рукописи, которые не только «не горят», но, найдя думающих читателей, наоборот, самовозгораются, озаряя их огнем свободной мысли.

---

⁴¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 34.